

У нас не кофе, а поцелуй ангела

Сергей Николаевич Дурылин (1886–1954) известен как исследователь литературы, театра, живописи. А еще он был великолепным оратором, рассказчиком, остроумным собеседником. Именно эту грань личности профессора **С. Н. Дурылина** запечатлел в своем рассказе "Художественные принципы" известный литературовед, исследователь творчества **Л. Н. Толстого** **Владислав Антонович Ковалев (1922–1991)**, бывший профессором Московского университета.

В 1936 году он написал для Ярославского драматического театра имени **Ф. Волкова** инсценировку "Анны Карениной", которая успешно соперничала с известной инсценировкой **Н.Д. Волкова** для МХАТа.

Об этой инсценировке в шуточной тональности и рассказал **С. Н. Дурылин** в 1953 году молодому тогда доценту **В. А. Ковалеву**.

Это было в конце 1953 года на даче в Болшеве, хотя впервые я увидел его значительно раньше, в 1939 году на его лекции о Лермонтове в Коммунистической аудитории Московского университета. Это была великолепная лекция! Концовку ее я до сих пор помню наизусть. "Лермонтов погиб в том возрасте, — говорил **С. Н. Дурылин**, — когда Пушкин еще не закончил "Евгения Онегина" и не приступал даже к "Капитанской дочке", то есть не создал еще тех своих произведений, за которые мы более всего его чтим. Лермонтов погиб в том возрасте, когда Гоголь не написал ни "Ревизора", ни "Мертвых душ". Лермонтов погиб в том возрасте, когда Лев Толстой даже еще не начал писать повесть "Детство", а Достоевский только что написал "Бедных людей". А Лермонтов уже написал "Демона" и "Героя нашего времени". Лев Толстой убежденно утверждал: "Если бы был жив Лермонтов, не нужно было бы ни меня, ни Достоевского". Какая же это огромная величина — Лермонтов! Мы обмираем, рассматривая этот Эверест!"

Познакомил меня с Дурылиным "толстовец" **А. П. Сергеенко**, бывший одно время секретарем **Л. Н. Толстого**. Должен отметить одно обстоятельство: **С. Н. Дурылин** не выговаривал букв "л" и "р". Но это придавало какую-то необыкновенную музыку речи его словам. Мне иногда приходит в голову еретическая мысль: Сергей Николаевич не столько не выговаривал, сколько играл это невыговаривание, создавая какой-то чарующий произносительный стиль своей речи. Так вот я приготовился слушать, и Дурылин продолжал:

— Надо вам сказать, что мой жизненный путь не был усыпан розами. Скорее это путь из терний. Я всегда к Советской власти относился вполне лояльно и никогда себе не позволял того, что позволил себе один мой знакомый дьякон, написавший в ответ на вопрос анкеты "Ваше отношение к Советской власти" — "Боюсь!". Несмотря на мою полную лояльность, я побывал в тюрьме и ссылке, так как одно время был священником. Поверьте, множество раз я был в труднейших положениях. И вот одна из таких труднейших ситуаций. Дом, в котором мы с вами находимся, был построен в середине 30-х годов. Построил я его на свои честно заработанные деньги, которых потребовалась целая куча. А где их взять? Вы знаете, что "от трудов праведных не наживешь палат каменных". Вы знаете, что и искусством "хапать" я тоже не обладаю. Тогда вы меня спросите: "Откуда же взялись у пожилого интеллигента большие деньги?" Кстати сказать, я уже стар, чтобы быть избыточно скромным: я полагаю, что имею моральное право называть себя интеллигентом, ибо, как вы знаете, интеллигентность присуща отнюдь не каждому образованному человеку. Так вот, когда врачи порекомендовали мне жить не в Москве, а за городом, то для постройки дачи мне дали наличники и рамы разрушаемого Страстного монастыря. Но из наличников и рам дачу не построишь. Нужны материалы, а для них деньги. Знаете, у Некрасова есть стихи: "Если старец игрив чрезвычайно, если юноша вешает нос./ То обоих терзает их тайно, — где бы денег достать, вот вопрос". И я стал таким игривым старцем. Я пустился на авантюру: для Ярославского драматического театра я решил написать инсценировку "Анны Карениной". Существуют две инсценировки толстовского романа: одна **Н.Д. Волкова** для МХАТа, а другая моя.

Инсценировка имела успех и действительно принесла мне кучу денег. "Деньги — это всегда приятно", — утверждал Шопенгауэр. А тут они были просто необходимы. Успех моей инсценировки объяснялся двумя причинами. Во-первых, Лев Николаевич — это Лев Николаевич. Он таков, что если его и хочешь инсценировать плохо, то все равно получится хорошо. Текст великолепен! Особенно "Анны Карениной"! Гуляя со Львом Николаевичем по аллеям яснополянского парка, когда я приезжал к нему в 1909 году, я сказал ему: "Лев Николаевич! Я знаю, что "Войну и мир" вы ставите выше "Анны Карениной". Но "Анна Каренина", право же, лучше. Я слышал от кого-то, что в образе главной героини вы изобразили дочь Пушкина Марию Александровну Гартунг с ее "арапскими породистыми завитками на затылке". Это правда?

— Может быть, не помню, — ответил Лев Николаевич, как-то поморщившись и явно не желая продолжать разговор, однако прибавил: — По языку из моих художественных писаний лучше всего "Хаджи-Мурат". Его вы еще не читали. Будет опубликован после моей смерти.

— Да-да, толстовский текст великолепен, не всякого классика можно инсценировать. "Обломов", например, никак нельзя. Диалогов мало, они невыразительны. Вот "Обрыв" — другое дело, и то надо начинать с середины, без диалогов Райского с этой куклой Беловой. А вторым обстоятельством успеха моей инсценировки было то, что ярославский зритель чрезвычайно внимателен к постановке. На каждую пьесу он ходит не менее двух раз: в первый раз раскусить замысел автора, а во второй — постановщика. Инсценировка моя прошла много раз и оплатила постройку дачи и даже забора к ней.

Теперь мы подошли к тому, что меня мучает. Недавно приходит ко мне девушка лет двадцати двух, выражаясь театральным языком, инженерю на исходе, пожилая инженерю. Белокурая, шейка с ямочками. Приятно обыкновенное лицо. Говорит: "Сергей Николаевич! Я пишу кандидатскую диссертацию об инсценировках прозы Льва Толстого. Мне хотелось поговорить с вами о художественных принципах вашей инсценировки". Я прямо-таки обомлел. "Каждое безобразие должно иметь свое приличие", — говорит чеховский герой (Лопухин из "Вишневого сада". — **А.Р.**). Какие у меня принципы в моей инсценировке? Деньги для дачи — вот и все принципы! Но девушка смотрит на меня с такой надеждой, с такой боязнью отказа... Она умоляюще говорит, что я "последний штрих" в ее диссертации. В глазах мольба. И еще, знаете, какое-то восхищение мною. Ее взгляд напомнил мне **В.Ф. Комиссаржевскую** в роли **Ларисы Огудаловой**. Так она восхищенно, благоговейно смотрела на **Паратова**, как будто **Паратов** — это **Пушкин**. Ну, что мне прикажете делать? Я говорю девушке: "Сейчас поговорим о принципах, я только распоряжусь насчет кофе. А вы поиграйте пока с моей Муркой". (Мурка — это наша кошка. Она — мой соратник. Нам обоим следует вставать в шесть часов утра. И если я просыпаюсь, то Мурка будит меня, царапаясь и мяукая, а если просыпает Мурка, то я бужу ее. "Пора нам работать, Мурка — говорю я ей. — С твоим талантом стыдно спать. Еще стыдней, если есть мыши, их не ловить, а созерцать".)

Итак, я ушел распорядиться относительно кофе. На самом же деле мне незачем было распоряжаться. Моя жена, **Ирина Алексеевна**, всегда его готовит, если кто приходит. Я просто выигрываю время, чтобы хоть чуть-чуть пособлажать, что-то придумать. Через пять минут я появляюсь перед девушкой и высасываю из пальцев "художественные принципы" моей инсценировки. И все прошло прекрасно. Девушка сказала: "Теперь-то уж диссертация будет закончена". Но у меня какой-то гадкий осадок. Из-за гуманизма я сказал ей неправду. А может быть, надо было все же ее окунуть в противоречия реальной жизни?

Последовала грустная пауза. Сергей Николаевич уныло и как-то даже виновато посмотрел на меня. Однако я придумал, что ему ответить.

— Сергей Николаевич, — начал я, — не сокрушайтесь. Вы поступили правильно! И притом вовсе не отклонились от истины. Разумеется, у вас были принципы. Тогда вы писали инсценировку. Только вы не осознавали их! Не осознавали через понятия. Несомненно, вы, скажем, не хотели исказить текст Льва Толстого. Это не принцип? Принцип. Несомненно, вы не хотели применять методы театра Мейерхольда. Конечно же, у вас Бронский объясняется с Анной у декорации вагона, а не на трапедииazole колосников. Знаете, у Плеханова есть афоризм: "Кто не пьет вина, тот пьет воду". Иными словами, кто не пьет вина, тот все равно что-нибудь пьет, то есть если творец и не осознает своих принципов, то все равно они у него есть.

— Спасибо, мой дорогой друг! Вы хотите меня утешить и отчасти утешили. В ваших суждениях есть свой резон, свой raison d'être. Молодежь как-то передает свой оптимизм, и мыслит она иначе. Но я вспоминаю другое — афоризм Софокла: "Не всегда говори, что говоришь, но всегда думай, что говоришь".

И после паузы:
— А теперь давайте пить кофе. У нас, не хвалясь, кофе — не кофе, а поцелуй ангела.

25 сентября 1982 года

Вступительная заметка и публикация Александра РУДНЕВА